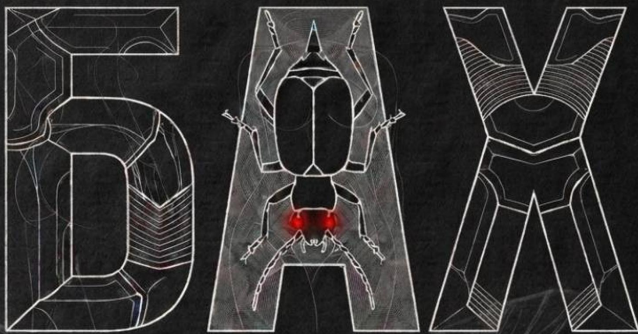
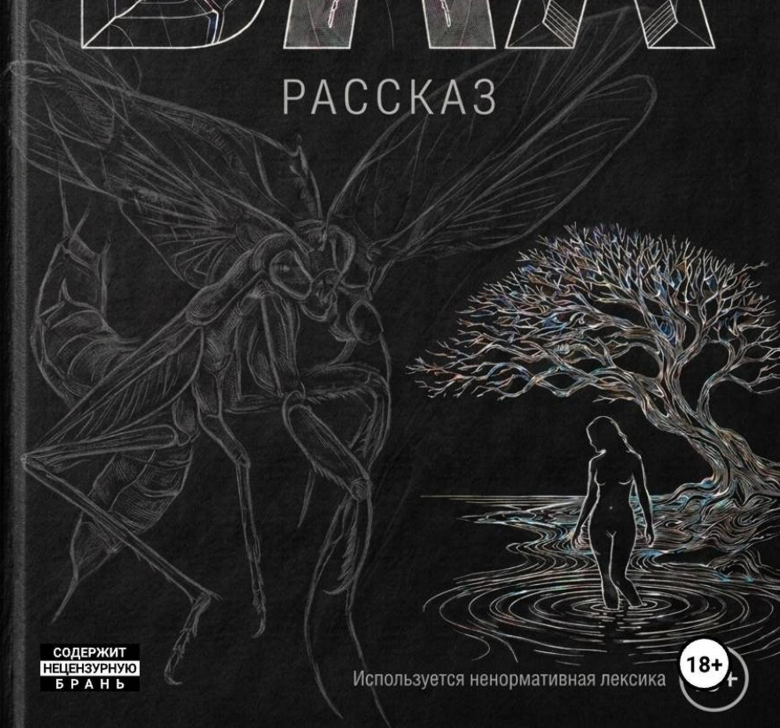

Александр Трофимов

РАССКАЗ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Используется ненормативная лексика

18+

Александр Трофимов Бах

<https://litres.ru/74365667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Возможность прожить сутки жизни жука-бомбардира.

Грязно, смешно, научно точно и безжалостно откровенно. Это нуар, написанный самой природой. Это "Выживший" в масштабе одного квадратного метра тропического леса.

После этой книги которой вы будете смотреть на каждого жука у бордюра с невольным уважением.

Никакого пафоса. Никакой морали. Только хитин, химия и очень дурной характер.

Александр Трофимов

Бах

БАХ

04:58 - ПОД КОРОЙ

Мир бесит меня с рождения. Отвечаю ему тем же, чем богат.

Тьма, теплая и гулкая, пахнет соком сейбы и чьим-то свежим дерьмом. Час назад надо мной, в трех сантиметрах от левого уса, повисла вниз головой летучая мышь и невозмутимо просралась прямо на кору. Ни капли смущения. Вот же мразь крылатая. Хоть бы предупредила.

Сплю я условно. Оцепенение, из которого выдергивает встроенный термометр: усики, по одиннадцать на каждом, обвешанные сотнями сенсилл, таких крошечных терморепторных волосков, каждый на своем нерве, и каждый со своим мнением, ловят перепад в четыре десятых градуса быстрее, чем я успеваю понять, что вообще что-то почувствовал. Солнце примеряется к горизонту. Пора шевелить костями и да, они у меня снаружи, а не гниют в мясе, как у половины местной шушеры.

Зовите меня Бах. Именно это слово я говорю миру примерно раз в сутки, и мир, сука, слушает, после него кто-то обычно с воплем ломится в кусты.

Brachinus diabolicus. Сам придумал. Звучит! Академики пока не в курсе. Мне нравится, значит, так пусть и будет.

Хитин снаружи, в три слоя, как бутерброд, точнее, как несъедобный бутерброд, сверху воск, без которого я бы выдох за час на здешней жаре, как позавчерашняя лужа. Под ним броня, задубленная намертво, а в глубине то, что способно еще расти. Панцирь рыже-черный, девять месяцев без единой сквозной пробоины. Линял только личинкой. Теперь это навсегда, без права на апгрейд, без гарантии, без возврата.

Разжимаю жвалы, сомкнутые всю ночь. Спать с открытой пастью в этом лесу - самоубийство с доставкой на дом.

Есть причина шевелиться раньше обычного. Вчера на закате ветер принес феромон, слабый, на самой границе, и след тянулся неправильно далеко. Либо у нее сбой в железе, либо она из тех редких, чей сигнал бьет втрое дальше нормы, а такие на дороге не валяются. К такой всегда бежит кто-то еще с другого края леса, и приходит первым не тот, кто громче кричит, а тот, кто раньше вышел.

Есть, однако и тонкость похуже. Такой сигнал самка не держит больше суток. Либо я доберусь до нее раньше, чем следующий рассвет закроет дверь, либо она замолчит навсегда, переключится на кого-то ближе или просто перестанет жечь феромон в пустоту. Так что, у меня ровно одни сутки. Они уже начались.

Я вышел на рассвете. Значит, пока веду.

Не сдох - уже победа. Говорю себе это каждое утро. Сегодня, впрочем, работает как-то особенно.

05:41 - ГОРОД БЕЗ ЧЕРТЕЖЕЙ

Высовываю голову из трещины в стволе.

Тысячи крошечных объективов сшивают из мозаики размытое, зато мгновенное кино. Движение я ловлю раньше, чем оно успевает начаться. У мира будто украли первый кадр, и мне за это только спасибо.

Сейба подо мной аки город построенный без единого чертежа, растущий сам из себя три-четыре сотни лет. Где-то в кроне ревуны начинают день с ора, такого низкого, что кора отзывается дрожью, и с листа орхидеи от этой дрожи срысывается капля вчерашнего дождя, шлепается в сантиметре от моего левого глаза. Спасибо, мокрые вы уроды.

Спускаюсь головой вниз, равновесие не требует раздумий, коготки и липкие подушечки держат на любой поверхности, да хоть на мокром стекле.

На середине спуска путь пересекает река из опавших листьев. Листорезы тащат добычу в подземные камеры растить грибницу, которую едят всей колонией до последнего грамма. Никто из марширующих не съест ни листика из того, что тащит. Дисциплина, о которой мне остается только мечтать.

Останавливаюсь пропустить колонну. Один муравей сбиается с шага, роняет лист мне под лапы. Хватаю на рефлекс

се зубами кусок - трофей, и тут же получаю от следующего в очереди укус по задней лапе за наглость. Отпускаю добычу. Не мой лес, не мои правила, хотя я бы их с удовольствием переписал.

Чуть дальше в дупле сидит щелкун, светится двумя пятнами на переднеспинке, как фары у неисправной машины. Забыл выключить, неэкономный ты наш. Замечает меня, щелкает шипом на переднегруди и подбрасывает себя в воздух, кувыркается, приземляется вверх тормашками, снова щелкает, встает на лапы. Мог бы просто улететь. Но надо же повыпендриваться, паяц лакированный.

Спуск не похож на приятную прогулку. В трещине коры сидит птицеед размером с приличный кулак, весь его радар в волосках на лапах, а на брюшке газон ядовитых щетинок, которые он стряхивает одним движением задних лап прямо в морду обидчику. Уважаю коллегу по цеху, хоть и мохнатую сволочь.

Он чувствует меня раньше, чем я успеваю додумать мысль «может, обойти». Лапа выстреливает из темноты, задевает кончик надкрылья.

Блять!

Срываюсь драпом вниз по коре, петляя между лишайниками. Паук массивнее, но я быстрее, вопрос пары секунд, кто первым выдохнется. Ныряю в щель, куда он не пролезет по габаритам, и слышу, как когти скребут по коре снаружи, потом стихают.

Жив. Значит, еще как минимум один раунд за мной.

Отдышавшись, вижу его в пяти метрах ниже, на соседнем стволе. Мой вид, мой размер, тот же курс, прямо на юг, туда, откуда вчера дул ветер с чужим феромоном. Замечает меня раньше, чем я успеваю сделать вид, что не заметил его первым, и секунду мы просто стоим и смотрим друг на друга через пять метров пустоты.

Не один я почувал тот след, значит.

Он сворачивает в обход, я в свою сторону. Формально ничья. По факту же выстрел стартового пистолета, который никто не слышал, кроме нас двоих, и для одного из нас он сегодня же станет последним звуком в короткой карьере уха-жера.

Хорошего тебе забега, мудила.

06:20 - ПЕРВАЯ ГЕМОЛИМФА

Земля в этом месте имеет иной запах, чем под сейбой. Под трухлявым стволом пахнет гнилью, такой сладковатой, грибной, с нотой то ли перебродившего сока.

Ход в размягченной древесине. Личинка короеда, толстая, кремово-белая, методично грызет себе путь. Мыслей у нее нет. Есть только чувство голода да жвалы. Слепа в ноль, и даже не чувствует меня, пока я не оказываюсь в сантиметре.

Подкрадываюсь, миллиметр за миллиметром и молниеносно наношу удар. Прокалываю головную капсулу. Два-

дцать секунд возни и гемолимфа течет мне на клипеус. Я жадно работаю жвалами, как ножницами. Вкусно, если забыть про уважение к покойным, про которое я, впрочем, забыл еще будучи личинкой.

Доедаю, когда чувствую вибрацию. Сверху вниз по этому же стволу, все ближе.

Замираю с недоеденным куском в жвалах.

Я узнаю его по густому, маслянистому запаху, с нотками старой мокрой кожи. Дятел, сука, и судя по силе ударов, один из крупных представителей своего вида. Скорее всего красно-хохлатый гигант. Первый удар на метр выше меня, и ствол тут же отзывается вибрацией, которую я чувствую его всем панцирем разом. Его цель личинки короедов, чьих детей я только что доедал. Второй удар, и щепка летит в сторону, совсем рядом от меня кусок коры отваливается, обнажая ход, полный личинок, как вскрытая консервная банка.

Замер. Прижимаю усики, становлюсь куском коры.

Третий удар вбивает клюв в самую сердцевину хода, и вот тут я успеваю подумать о том, что череп у этой твари держит нагрузку, от которой мои собственные ганглии превратились бы в кашу за один присест. За счет губчатой кости во лбу, работающей амортизатором, и языка, неприлично длинного, обернутого вокруг всего черепа под кожей от затылка до самых ноздрей, как ремень безопасности, натянутый с запасом, он может сутками, долбать деревья башкой, и не бояться последствий. Длинный липкий язык выхватывает одну

личинку, вторую, третью, совсем рядом с моей головой, я чувствую, как воздух от его движения шевелит усик. Одна мысль, только сам не шевелись, не пахни, не будь.

Хочется лупануть зарядом в его бронированную башку. Но тратить залп на того, кто тебя даже не заметил, идея мне кажется не очень стоящая. Это расценят потом как самоубийство без видимой на то причины.

Поэтому патроны поберегу для тех, кто хотя бы знает, что я существую.

Проходит три минуты, вибрация начинает ослабевать, и лес заново включается. Цикады запевают, так, точно пять минут назад тут никто не никого не убил.

Не сдох - уже победа. Даже если победа сегодня выглядит как лежать, не шевелясь и делать вид, что тебя нет.

07:05 - КВАРТИРАНТКА И МАРШ

Забиваюсь под тот же ствол отдышаться, и щель, как выясняется, уже занята.

Что-то щиплет меня за брюшко. Дергаюсь, вижу серую, лоснящуюся уховертку, с парой клещей-церок на конце брюшка, которыми она деловито ощупывает мой панцирь.

Dogu - самая обычная местная модель, из тех, что вечно лезут без приглашения, а потом делают вид, что так и было. Тупая, как пень: вместо того чтобы понять, с кем связалась, разворачивается ко мне тылом и раскрывает клещи пошире

- угрожает.

Слышь, ты, щипцы драные, - сообщаю ей облаком феромонов, которое переводится примерно как «убери клешни, пока я их не засунул тебе в то же место, откуда они растут».

Не понимает. Или плевать хотела. Придвигается еще на миллиметр.

Разворачиваю брюшко, не тратя времени на дипломатию, и бью прямо в упор, коротко, экономно, метко. Кипяток попадает ей в морду. Уховертка визжит, заваливается набок, дергает клешнями вхолостую и рысью уматывает наружу. Пшла вон, дура клешнястая, жилплощадь занята.

Только успеваю выдохнуть, как земля вздрагивает по-настоящему.

Низкий, ровный, бесконечный гул, точно под подстилкой закопали миллион моторчиков и все разом включили. Каждая сенсилла орет одно слово: эцитоны.

Кочевые муравьи. Слепые от рождения. Идут колонной шириной в полметра и жрут все, что не убежало, не зарылось и не взлетело. Зачистка. Свой, чужой - плевать, феромон сказал жрать, значит, жрут.

Мог бы обогнуть по краю подстилки. Но обходить, поджав хвост, не мой стиль. Раз высунулся, то разворачиваюсь и бью.

Солдат прыгает наперерез у корня пальмы, жвалы длиннее собственной башки. Поднимаю турель, коротко бью. Патроны не казенные, мать их.

«Пшшш».

У солдата плаваются усики, клинит жвалы, он врезается в соседа, тот - в следующего. Заминка в идеальной машине. Почти бунт.

Хватает секунды. Нырять под лист, бегу, не оглядываясь. Чтоб вашу матку жуки-мертвоеды по органам разобрали, чтоб феромоны у вас скисли раньше следующего перекрестка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.